

Дождь лил как из ведра, наполовину залив пол в коридоре. Слонявшиеся на улице ученики мгновенно исчезли, разбежавшись по классам, и лишь Шэн Ван хотел выйти подышать свежим воздухом.

Оставшись на своем месте, он чувствовал себя обезьянкой, которую только что привезли в зоопарк: посетители стекались со всех сторон, плотно обступив его кольцом.

А Гао Тяньян выступал в роли экскурсовода:

— Сто пятьдесят вопросов! Ты вообще человек?

Он сидел на своей парте, и его голос, словно снабженный встроенным мегафоном, разносился на весь класс.

Те, кто косвенно списал у него домашку, ринулись на передовую, наперебой поддакивая:

— Точно! Да что там «всё правильно», я был бы счастлив, сделай я меньше десяти ошибок, честное слово.

— Десять — это для меня слишком высокая планка. Вот двадцать... Если бы из ста пятидесяти вопросов я сделал меньше двадцати ошибок, я б от счастья помер.

— Ну и запросы!

— Мир слишком долго страдал от английского! Если бы его убрали из Гаокао, университеты Цинхуа и Пекинский дрались бы за меня!

— Птьфу, мечтать не вредно!

Эти ребята были один бесстыднее другого, и их бахвальство дошло до того, что учебный староста Сун Сижуй больше не мог этого слушать. Растолкав толпу, он втиснулся внутрь, отчитал их и повернулся к Шэн Вану:

— Цао, надо поговорить.

Шэн Ван дважды чихнул, вытащил бумажную салфетку и с недоумением спросил:

— За что ты меня материшь?

Сун Сижуй поперхнулся и со смешанным чувством неловкости и веселья произнес:

— Да нет же. В тот день, когда ты перевелся, я сказал, что старина Сюй откопал нам нового школьного красавчика — «сяо цао». А я имею привычку называть всех по одному последнему слогу, вот на автомате и ляпнул «цао».

Шэн Ван сухо усмехнулся:

— Весьма оригинальная задумка. А можно поменять?

Сун Сижуй:

— Можно. Тогда «Шэн».

— Ага, скажи еще «Почка», — Гао Тяньян отвесил ему подзатыльник и с лукавой усмешкой

предложил: — Зови его просто Ван.

— Пошел к черту, сам ты пес! — огрызнулся Сун Сижуй на Гао Тяньяна, а затем с обиженным видом посмотрел на Шэн Вана: — И угораздило же тебя так назваться.

Шэн Ван рассмеялся:

— Прости, но менять имя уже поздно, придется тебе как-нибудь перебиться.

— Брат Шэн, брат Шэн — так пойдет? — спросил Сун Сижуй.

Шэн Ван как раз держал в руках чашку и пил воду. Услышав это, он усмехнулся:

— От таких слов я могу и зазвездиться.

— Первое правило класса «А»: у кого оценки лучше, тот и старший брат, независимо от происхождения, — Сун Сижуй махнул рукой. — Взять, к примеру, того, кто сидит позади тебя. Кто бы его ни увидел, все обязаны называть его братом.

Шэн Ван, полубоком опираясь на парту, не перестал пить, но скосил глаза в сторону.

Краем глаза он заметил, что парта позади него пустовала. Цзян Тянь неизвестно куда запропастился. Большая перемена длилась уже минут двадцать, а его все не было видно.

Сун Сижуй, еще пару раз назвав его братом, принялся проникновенно излагать суть дела:

— Слушай, не давай в следующий раз тесты этому оболтусу Гао Тяньяну, ладно? Наша классная велела мне следить за всеми и искоренять дурную привычку списывать домашку. Сказала доносить на каждого, кого поймаю.

— И что, ты уже донес? — с крайне мерзкой ухмылкой спросил Гао Тяньян.

— Я все записал в блокнот. Буду доносить ежеквартально, так что ты у меня дождешься.

Сун Сижуй был невысокого роста, в любом классе ему пришлось бы сидеть за первой партой. Когда он, засучив рукава, читал нотации, то становился невероятно похож на тонконового пуделя. Весь класс «А», независимо от пола, обожал над ним подшучивать. Он и не строил из себя начальника, а его угрозы пожаловаться на кого-нибудь еще ни разу не увенчались успехом.

Он долго тараторил, обращаясь к Шэн Вану, а тот лишь угукал в ответ, пока спустя мгновение не встрепенулся и не спросил:

— Что ты сейчас сказал?

— ...

Сун Сижую захотелось выброситься из окна.

— Брат Шэн, ты издеваешься надо мной? — сокрушенно спросил он.

Шэн Ван отвел взгляд от задней парты и, обняв чашку обеими руками, искренне извинился:

— Прости, немного задумался.

Сун Сижуй плюхнулся на стул Гао Тяньяна, тяжело вздохнул и заявил:

— Я больше не могу занимать пост учебного старосты. Пусть сидит кто хочет. Дотерплю до конца четверти и сложу с себя полномочия.

Лицо Шэн Вана выражало глубокое чувство вины.

Гао Тяньян одними губами произнес:

«Старая песня, пусть болтает».

Сун Сижуй каждые несколько дней бросался подобными громкими заявлениями, но каждый раз во время перевыборов, кроме него самого, весь класс голосовал за него, намертво пригвозждая к креслу учебного старосты. Сбежать у него не было ни единого шанса.

Гао Тяньян был душой компании, как и Сун Сижуй. Они с целой оравой приятелей проболтали над ухом Шэн Вана всю большую перемену. Слушая их, Шэн Ван вновь вспомнил слова сестры Цзин: экосистема в усиленных классах и проста, и сложна одновременно.

Судя по тому, что он успел увидеть, все эти ребята казались ему совершенно простыми и бесхитростными.

Когда большая перемена подошла к концу, люди вокруг Шэн Вана разбрелись.

Голова по-прежнему сильно кружилась, а нос был неприятно заложен. Ему не хотелось ни решать тесты, ни читать учебники. Уткнувшись головой в парту и спрятав руки внутри нее, он играл на телефоне в какую-то тупую игрушку.

Едва он прошел два уровня, как мимо его стола кто-то прошел.

Краем глаза он заметил знакомые кроссовки, а рядом — опущенный складной зонтик. Капли воды часто-часто срывались с его острия, собираясь на полу в тонкую лужицу.

Шэн Ван всё еще управлял бегущим по экрану человечком, когда услышал голос Гао Тяньяна:

— Брат Тянь, ты где был? В такой ливень, и поперся на улицу?

Кроссовки остановились, и прямо над ухом Шэн Вана раздался голос Цзян Тяня:

— Ходил в медпункт.

Руки Шэн Вана замерли.

«Медпункт???»

Он молча поднял голову и увидел, что в одной руке Цзян Тянь держит зонт, а в другой — белый пластиковый пакет с логотипом медпункта. Горловина пакета была узкой, и разглядеть его содержимое было невозможно.

— А зачем ты ходил в медпункт? — недоуменно спросил Гао Тяньян.

«И правда, зачем ты ходил в медпункт?»

Шэн Ван искоса поглядывал на пакет, и в его голове начали зарождаться весьма абсурдные

мысли.

Нельзя было винить его за эти фантазии — в конце концов, Цзян Тянь выглядел бодрым и здоровым, а сам Шэн Ван только утром спрашивал Гао Тяньяна про медпункт. То, что эти два события совпали, казалось уж слишком подозрительным.

«...Да ну, не может быть?»

Шэн Ван поднял лицо и посмотрел на Цзян Тяня.

На самом деле, пообщавшись с ним пару дней, он успел заметить: пусть внешне этот парень и казался равнодушным типом с мерзким характером, в душе он был довольно мягкосердечным. По крайней мере, по отношению к своей матери.

«Может быть... и к другим тоже?»

«Если, — про себя подумал Шэн Ван, — если Цзян Тянь и впрямь ходил за лекарствами для меня, то в следующий раз, когда Шэн Миньян снова заставит меня назвать его братом, я, так и быть, сделаю одолжение и не стану сопротивляться».

«Разумеется, только на словах, ради приличия».

Возможно, из-за скуки во время болезни, внутренние монологи Шэн Вана в этот момент были необычайно красочными. Пока он воображал себе будущие сцены, пластиковый пакет внезапно зашуршал. Цзян Тянь приоткрыл его и показал чересчур любопытному Гао Тяньяну:

— Мама утром обожгла руку, вот, взял две баночки мази.

Шэн Ван заглянул в пакет и увидел, что там действительно лежат две маленькие темно-зеленые баночки — точь-в-точь такие же, какой тетушка Сунь утром мазала руку Цзян Оу.

Он на секунду опешил, мысленно протянул: «А-а», и наполовину выстроенная в голове сцена моментально улетучилась.

Гао Тяньян перекинулся с Цзян Тянем еще парой фраз, но Шэн Ван их почти не слушал.

Вскоре Цзян Тянь снова закрыл пакет и повернулся, чтобы пройти к своему месту. В тот момент, когда он занес ногу, его взгляд почему-то скользнул в сторону и встретился со взглядом Шэн Вана.

В следующую же секунду Шэн Ван опустил глаза.

Человечек в телефоне уже давно разбился насмерть. Он нажал на рестарт, и его большие пальцы снова заскользили по экрану.

На улице было темно и мрачно. Горевшие в классе лампы дневного света с холодным оттенком отбрасывали на телефон несколько квадратных бликов. На одной половине экрана человечек беззвучно прыгал по обрывистым скалам, а на другой отражался стоящий рядом силуэт...

Цзян Тянь простоял в этой позе пару секунд, прежде чем вернуться на свое место позади него.

Весь оставшийся день удача отворачивалась от Шэн Вана: в какую бы дурацкую мини-игру он ни играл, он неизменно проигрывал в первые же секунды. Взбесившись, он выключил телефон и закинул его на самое дно рюкзака.

Вечерние занятия по-прежнему заканчивались в восемь. Из-за того, что в школе прибавился еще один поток учеников, по вечерам стало куда многолюднее. Классная руководительница Хэ Цзинь зашла в класс прямо перед звонком, наспех сообщила новое расписание школьных автобусов, и к тому моменту, когда она вышла, здание вторых классов почти опустело.

Шэн Ван как раз собрал рюкзак и собирался встать, когда Гао Тяньян внезапно похлопал его по плечу:

— Эй, есть планы на вечер?

— Делать тесты. А что? — спросил Шэн Ван.

— А кроме тестов? Нету ведь?

Шэн Ван кивнул.

Гао Тяньян щелкнул пальцами:

— Тогда погнали с нами! Брат старины Ци открыл за северными воротами барбекюшницу. Сегодня официальное открытие, и он хочет собрать народ для массовки. Всё равно домашки на сегодня немного, редкий шанс расслабиться. Пойдешь?

Из-за простуды у Шэн Вана почти не было аппетита. Но в последнее время он находился в таком состоянии, когда ему совершенно не хотелось возвращаться домой. А сегодня это чувство было особенно сильным: главным образом потому, что он боялся столкнуться с Цзян Оу.

Ее попытки наладить контакт заставляли его чувствовать себя неловко. Он не умел отвергать людей и ставить их в неудобное положение, но и принять ее, а тем более сблизиться с ней, для него было еще невыполнимее.

Поэтому, немного поразмыслив, он ответил Гао Тяньяну:

— Ладно, пошли. А кто еще будет?

Гао Тяньян небрежно обвел рукой класс, и все те, кто до сих пор возился на своих местах и не ушел, тут же подхватили рюкзаки:

— Я, ты, учебный староста, староста класса, старина Ци, Обезьяна, Дахуа...

— Достаточно, — раздраженно перебил его Шэн Ван. — Дальше можешь не перечислять, я все равно никого не помню.

— В общей сложности наберется человек двенадцать-тринадцать. Как раз на один большой стол, — подытожил Гао Тяньян.

Сун Сижуй подошел к ним, аккуратно надев свой рюкзак на оба плеча, и спросил:

— Идем?

— Идем, — позвал за собой Гао Тяньян. — Ци Цзяхао и остальные пошли в туалет, пойдем с той стороны, заодно их подождем.

Шэн Ван закинул рюкзак на одно плечо, бросил взгляд на одно из пустующих мест и спросил:

— Вы же с Цзян Тянем вроде в хороших отношениях? Не звали его?

— Не просто в хороших, а в отличных. Мы с ним друзья детства, — ответил Гао Тяньян.

Шэн Ван услышал об этом впервые:

— Друзья детства?

— Ага, выросли в одном жилом комплексе, — подтвердил Гао Тяньян. — Но в таких тусовках он никогда не участвует. У него слишком много дел, вечно занят.

Сказав это, он вскинул брови:

— Но я даже удивлен, что ты про него спросил.

— Чему тут удивляться?

— В первый же день, как ты пришел, между вами кошка пробежала. И за эти два дня, кроме того момента, когда сестра Цзин заставила вас вместе смотреть тесты, вы и парой слов не перекинулись. Я думал, вы вообще не общаетесь, и ты только рад будешь, если его не окажется с нами.

Шэн Ван кивнул:

— Мы и вправду не общаемся.

Если не считать того, что по вечерам они заходили в одну и ту же дверь, они были совершенно чужими друг другу людьми.

Продолжая болтать с Гао Тяньяном, он включил телефон. Как только экран разблокировался, в WeChat подряд выскочило несколько уведомлений. Гао Тяньян, ни о чем не подозревая, вытянул шею и спросил:

— Не хочешь сначала предупредить домашних?

Шэн Ван поджал губы. Ему никогда не приходилось ничего объяснять домашним, достаточно было только предупредить водителя, дядюшку Чэня.

Он открыл WeChat и уже собирался найти в списке Сяо Чэня, когда заметил на самом верхнем диалоге красную точку — знак нового сообщения. В имени контакта значилось: Цзян Тянь.

Шэн Ван машинально открыл чат и только тут обнаружил, что Цзян Тянь отправил ему два сообщения прямо перед окончанием вечерних занятий.

Цзян Тянь: [Сегодня вернусь поздно.]

Цзян Тянь: [Если спросят, скажи, что я на дополнительных занятиях для олимпиады.]

Какая радость: кое-кто наконец-то догадался заранее сверить показания! А стоявший рядом Гао Тяньян уже чуть не помер от страха.